

**ОБРАЗ ПИЛАТА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ
БЕЛОРУССКОГО И АВСТРИЙСКОГО ПРОЗАИКОВ
(роман В. Иванова-Смоленского «Последнее искушение дьявола, или
Маргарита и Мастер» и новелла А. Лернет-Холениа «Пилат»)**

Мифология привлекала внимание писателей на всех этапах развития мирового искусства слова. XX столетие не стало исключением; наоборот, художественная рецепция мифологических сюжетов и образов стала одной из константных слагаемых творчества очень многих писателей разных стран. Причин тому немало: и потребность людей века сменяющих друг друга катастроф и кризисов в более или менее прочной нравственно-философской опоре, каковой справедливо видится духовное наследие – живое воплощение связи времен и поколений; и собственно эстетические мотивы, поиски художественных решений новых проблем посредством освоения духовной, культурно-литературной традиции.

Особенны притягательными для писателей были и остаются библейские предания и основанные на них литературные произведения. Обращаясь к библейскому материалу, новые авторы стремятся придать своим историям обобщенно-символический, предупредительно-прогностический смысл, пытаются помочь современникам сопоставить личный духовный опыт с общечеловеческим, с праопытом.

Роман белорусского русскоязычного прозаика Валерия Иванова-Смоленского (р. 1948) «Последнее искушение дьявола, или Маргарита и Мастер» (2007) представляет собой интерпретацию знаменитого романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», оставшегося, как известно, незавершенным и впервые опубликованного лишь в 1966–1967 гг., спустя 26 лет после смерти писателя. По признанию В. Иванова-Смоленского, его книга выросла из желания проникнуть в тайну замысла великого предшественника и, в связи с этим, «построить несколько иную версию изложения евангельских списков» [2, 5]. То, что именно евангельская линия булгаковского произведения увлекла нашего современника, – неудивительно, поскольку, по мнению большинства исследователей, как раз она является самой впечатляющей частью незаконченного, во многом неотшлифованного, но гениального романа М. Булгакова. Об этом, в частности, писал о. Иоанн Шаховской в своем предисловии к первому русскому изданию книги в Париже (1967). Высоко оценивая эпiku ее «московских» страниц, он тем не менее замечает: эта книга – «не только обличение бесчеловечия обывательского. В центре ее встает очистительная гроза над Голгофой, входящая на ее страницы внутренней повестью о Римском Прокураторе Иудеи, Понтии Пилате» [4, 253].

В. Иванов-Смоленский тоже считает, что, хоть замысел М. Булгакова доподлинно неизвестен, «главными героями романа были не Мастер и Маргарита» [2, 5]. По сути, не являются они главными и у него, хотя их

имена – с переменной мест – фигурируют даже в подзаголовке книги. Объемнее всех других – именно образы Пилата и Христа, они в новой книге – персонажи ключевые, смыслообразующие, и их «прочтение» белорусским писателем, думается, более значимо, нежели иные содержащиеся в романе линии.

В свете темы особенно интересен для нас в книге В. Иванова-Смоленского образ Пилата. Уместно, однако, начать с краткого экскурса в историю Пилата, ставшего печально знаменитым новозаветным персонажем. Понтии, согласно ряду источников, были известным самнитским родом, на протяжении долгого времени поставлявшим Риму «всадников» – воинов и чиновников. Всадником в шести поколениях, полководцем был и Понтий Пилат (лат. Pontius Pilatus). Существует много версий происхождения дополнительного имени рода Понтиев – Пилат. Согласно одной из них, это слово означает «человек в шапке», или «человек в колпаке», поскольку «пилеус» – это головной убор, шапка или войлочный колпак. Пишут, что когда продавали раба, пилеус насаживали на пику; если же раба освобождали, пилеус надевали ему на голову. Фригийские колпаки, которые будут носить участники Великой французской революции, – это все те же пилеусы. Согласно другой версии, предок Понтия Пилата во втором поколении за проявленную в битвах храбрость был награжден пилумом – почетным дротиком (или метательным копьем), отсюда якобы и имя – Пилат.

Предположительно, Понтий Пилат, как и полагалось полководцу, прошел все ступени командной карьеры – сперва возглавлял когарту, затем легион, пока, наконец, во главе одной из армий не был послан защищать границы империи от германских и галльских племен. Здесь он одержал ряд блестящих побед, но вместо ожидаемого поощрения был практически сослан императором Тиберием в качестве прокуратора в провинцию, о существовании которой до этого даже не подозревал. Глубоко обиженный и разочарованный, он тем не менее противиться не стал и отбыл по назначению. Отраженные в Евангелиях события происходят в Иудее на пятом году деятельности Пилата. Во времена распятия Христа прокуратор был в возрасте между тридцатью и сорока годами. По должности он подчинялся наместнику Сирии Виттелию-старшему. Различны версии дальнейшей судьбы легата. По одной, в наказание за преступление против Сына Божьего он был подвергнут Господом страшным испытаниям. По другой, был отправлен в отставку Виттелием из-за неслыханной жестокости, с которой он вскоре после распятия Христа подавил восстание самаритян. Намереваясь оправдаться, Пилат якобы направился в Рим, но Тиберий к тому времени ушел из жизни, а его преемник Калигула даже слушать не пожелал провинившегося. После этого Пилата то ли сослали в Галлию, то ли он поселился в небольшом имении на Сицилии, где писал философские трактаты, то ли вообще покончил самоубийством; достоверных сведений на сей счет нет. В любом случае, вскоре после распятия Христа Пилат исчезает из истории. Но – не из памяти человеческой, в которой он навечно останется

лицом, запятнавшим себя соучастием в величайшем злодеянии, отдавшим Христа на истязания и смерть, хотя и признававшим его невиновность.

К образу Пилата мировая литературная традиция обращалась многократно; помимо античных трактатов, апокрифов, это произведения Д. Штрауса, Э. Ренана, А. Франса, Д. Лондона, К. Чапека, Р. Грейвза, Н. Мейлера, Э. Шмитта, А. Лернет-Холениа и др. И, разумеется, М. Булгакова, сквозь призму знаменитого романа которого смотрит на библейские события белорусский писатель В. Иванов-Смоленский.

Следует подчеркнуть главное: в его трактовке Пилат гораздо менее двойствен, чем в «Мастере и Маргарите». В новой версии прокуратор тоже умен и проницателен, но все его помыслы сводятся к желанному возвращению в Рим, которое стало бы реваншем за длящееся пятый год пребывание в глуши. Здешний народ и его первосвященников он ненавидит, их обычаи и уклад жизни презирует. С целью посеять серьезные потрясения, для устранения которых потребовались бы дополнительные войска императора Тиберия, солдаты по наущению Пилата оскверняют храмы, оскорбляют чувства верующих; ответные волнения прокуратор подавляет жестоко и беспощадно, отдавая приказы об уничтожении сотен и тысяч людей, – в расчете на еще более масштабный и повсеместный мятеж.

Стоицизм плененного и обреченного на смерть Иисуса и у него вызывает уважение, тем не менее утвердить приговор Синедриона на римский вид казни он отказывается не столько из стремления сохранить ему жизнь («Его нисколько не тревожила судьба стоящего перед ним человека» – [2, 118]) и даже не столько из желания самому «умыть руки» («Не я пролью кровь его, но сами иудеи» – [2, 120]), сколько в явной надежде на то, что теперь, когда начнутся массовые столкновения между стражниками Синедриона и приверженцами Христа, он дождется присылки новых легионов, зальет кровью вверенную ему территорию и осуществит триумфальное возвращение в Рим; более того, сам сможет при благоприятных для него обстоятельствах претендовать на императорство.

Если в римском прокураторе М. Булгакова, по справедливому замечанию о. Иоанна Шаховского, «удивительно ярко видна основная трагедия человечества: его полудобро» [4, 254], то в отношении Пилата «нового» даже о «полудобре» говорить, в сущности, не приходится. Здесь зло однозначно, лицемерно и безальтернативно. Никакой метафизической тревоги о своей посмертной судьбе и бессмертной репутации прокуратор не испытывает, проблема нравственного выбора его совершенно не волнует, в то время как адекватное восприятие образа булгаковского Пилата (как, впрочем, и собственно евангельского) без учета этой проблемы немыслимо.

В чем же причина подобного смещения акцентов в новой интерпретации Пилата? Думается, в том, что здесь у него несколько иное, скажем так, идейное предназначение: продемонстрировать механизмы манипулирования, на которых зиждется насильственная власть, поступающая с каждым, будь то обыкновенный смертный, репрессированный Сталиным, или сам Иисус Христос, как с разменной монетой, как с пешкой в большой

игре. Причем изображение этих механизмов убедительно свидетельствует, что с незапамятных, мифологических времен и по сегодняшний день техника насилия в мире, техника осуждения на смерть невинных, по большому счету, не изменилась, разве что более изощренными становились сами методы уничтожения людей, как прежде, так и теперь согласующиеся с печально известным «Нет человека – нет проблемы».

Иное дело, что белорусскому писателю для соотнесения мифа и реальности, прошлого и настоящего симпатические чернила уже не требовались; формы и методы деятельности силовых органов в период культа личности он излагает языком профессиональным, сопрягая их, однако, в продолжение традиции М. Булгакова с сюрреалистской условностью и невероятной мистикой, с гофмановской фантасмагоричностью, синтезируя трагическое и комическое, повседневное и inferнальное, монтируя библейские истории с картинами из жизни XX века, экскурсы в мифологическое прошлое – с комментариями к статьям уголовного кодекса, заключениями судебно-медицинской экспертизы, отчетами, справками, протоколами допросов, насыщая произведение многочисленными историческими и литературными аллюзиями.

Что касается новеллы (в издании русского перевода жанр обозначен как роман) Александра Лернет-Холениа (Alexander Lernet-Holenia, 1897–1976) «Пилат» («Pilatus»), то она была опубликована практически в одно время с романом М. Булгакова – в 1967 г. Этого талантливого австрийского писателя (поэта, драматурга, прозаика, участника обеих мировых войн) условно относят к «поколению Крамера» (по имени известного австрийского поэта Теодора Крамера, 1897–1958), представители которого вошли в литературу после Первой мировой войны – в отличие от «поколения Рильке», заявившего о себе еще на рубеже XIX–XX вв.

Новелла А. Лернет-Холениа не случайно в оригинале имеет подзаголовок «Ein Komplex». Действительно, под одним титульным листом представлен целый комплекс текстов: собственно новелла и приложение, включающее извлечения из канонических свидетельств (Евангелий от Матфея, Марка и Луки), непосредственно касающиеся Пилата, а также отрывки из исследований Пауля Кольца, Георга Герлица и Бруно Киршнера, С. Н. Дубнова, опубликованных соответственно в 1934, 1930 и 1925 гг. А. Лернет-Холениа счел необходимым предложить вниманию читателя вышеназванные фрагменты, очевидно, потому, что они дают возможность сначала сопоставить авторскую художественную интерпретацию истории Пилата со Страстями Господними в троекратном изложении синоптиков (отсылки к Евангелию от Иоанна в книге нет ввиду более позднего времени его написания), а затем поместить ее в историко-политический контекст, в атмосферу того времени, когда Иисусу Христу суждено было взойти на Голгофу.

Новелла состоит из двух разделов, первый из которых, нас интересующий прежде всего, называется «Пилат» и начинается с краткого предисловия некоего издателя к запискам некоего промышленника Филиппа

Браниса, то есть предисловием фиктивного издателя предварены фиктивные мемуары. Название второго раздела говорит за себя – «История страстей Господних в изложении неизвестного». Весьма сложен хронотоп первого раздела: Бранис записывает свои житейские воспоминания накануне близящейся смерти, но мысленно возвращается в более ранний период своей жизни, когда вследствие родильной горячки умирает его жена (кстати, русская) – «полной безбожницей» [3, 3], безразличной к счастью и несчастью, к жизни и смерти. В состоянии душевно-духовного смятения Бранис, не оставшийся безучастным к неверию жены, за доказательствами существования Бога обращается к барону Донати, который, являясь настоятелем собора, имел тем не менее вполне светские склонности и жил на широкую ногу. В свою очередь, Донати посвящает Браниса в историю собственных юношеских духовных исканий: некогда, будучи семинаристами, он и его товарищи образовали две «партии» – верующих и неверующих или сомневающихся и совместными усилиями, оперируя аргументами и контраргументами, импровизируя, но не меняя изначально избранных позиций, представили в лицах «всю новозаветную драму» [3, 9]. При этом в роль Пилата довелось вживаться самому Донати. Иначе говоря, знаменитая библейская история наглядно преломляется через сознание потомков, причем многократно, одновременно утверждаясь и оспариваясь в своих существеннейших, константных слагаемых.

В свете волнующих Браниса вопросов Пилат в новелле особенно значим, ибо он – «единственная персона, на которую мы, в конце концов, могли опереться как на действительного свидетеля» существования Спасителя, тем более что римский прокуратор – «единственная фигура, которая...возникла не только в мистических сумерках Откровения, но, пусть и на коротком промежутке времени, при свете античного мира...» [3, 11], то есть фигура историческая.

В изображении А. Лернет-Холениа Пилат – личность традиционно двойственная, причем степень этой двойственности гораздо большая, чем, например, у Булгакова и тем более у В. Иванова-Смоленского. С одной стороны, он испытывает симпатию к Христу, ощущает красоту и мощь его слов и мыслей, чувствует завораживающую магию, исходящую от этого «самого гонимого и презираемого из смертных» [3, 98], вступает с ним в диалог, стремясь проникнуть в причины и смысл его поведения, снова и снова пытается убедить врагов Христа в его невиновности. С другой, этот немало имевший за душой человек не смог ради справедливости подняться над своей бесхарактерностью и опасениями за собственную участь и, в продолжение евангельских и более поздних трактовок, «умывший руки».

Концептуально важно, что в данном случае мы имеем дело с подчеркнутым «остранением» образа Пилата: перед нами не он сам, а его временный протагонист, исполнитель его роли семинарист Донати, истолковывающий поведение прокуратора в соответствии со своим о нем представлением. То есть акцент с божьего промысла переносится на человека, хотя и имеющего отношение к церкви: как некогда человек по

имени Пилат стал соучастником преступного распятия Христа, так и теперь от человека зависит посмертная репутация самого Пилата, а следовательно – зависит и обоснование для веры в Бога, для обретения ее теми, кто жаждет внутреннего покоя.

Таким образом, и защищать, и порицать прокуратора автор предоставляет персонифицированным рассказчикам. При этом семинаристы-лицедеи настолько входят в свои роли, что иногда перестают понимать, кто же они. Вероятно, подобный ход был подсказан автору новеллы его литературным наставником и другом, известным австрийским писателем Лео Перуцем, который этим приемом пользовался очень активно: «Верно то, что я, всякий раз входя в незнакомый мне мир, влезаю в шкуру какого-нибудь незнакомого мне человека и обживаюсь в ней. То это немецкий ландскнехт, то сапожник из Сицилии, то вор, то испанский аристократ...» [цит. по: 1, 514].

В разных случаях причины обращения к персонифицированному рассказчику могут быть разными; у А. Лернет-Холениа их несколько.

Во-первых, персонифицированный рассказчик, говоря словами Ц. Тодорова, «может *удостоверить* рассказанное, не возлагая, однако, на себя обязанности принять окончательное объяснение» [5, 63]. В новелле А. Лернет-Холениа это тем более уместно, что абсолютно достоверное повествование о событиях, таящих в себе больше лакун, чем фактов, невозможно по определению. Включение же в произведение персонифицированного рассказчика дает искомую автором возможность максимально интенсифицировать сознание читателя, поверить библейской драмой собственную душу.

Во-вторых, результатом использования в новелле персонифицированных рассказчиков является психологическое углубление героев – как обитателей новозаветного мира, так и обычных людей, продолжающих искать ответы на один из основных вопросов бытия: «Что есть истина?»; ведь не случайно в предваряющем первую часть объяснении причин публикации «в полном объеме» уже якобы известных читателю записок прозвучат слова: «из-за важности изложенного» [3, 3].

В-третьих, наличие персонифицированных рассказчиков оборачивается в новелле множественностью точек зрения на Пилата и Христа, напластованием времен, подвижностью и вариативностью смыслов и ракурсов, демонстративной и закономерной двойственностью героев (возможно, продиктованной еще и специфическим австрийским мировосприятием с его необыкновенно усилившейся в XX веке дуалистичностью), совмещением подчас даже в одном персонаже различных мыслительно-поведенческих моделей. Кто-то закликает Пилата признать собственную неизмеримую, неискупимую вину, ибо только в ипостаси соучастника преступления, соубийцы он может засвидетельствовать, как уже говорилось выше, истинность существования Христа: «Какой бы страшной ни была твоя вина, она ничто по сравнению со свидетельством, которое ты теперь должен предъявить. Ведь ты теперь являешься единственным,

последним, кто еще может засвидетельствовать, что Бог действительно есть!» [3, 99–100]. Кто-то пытается если не защитить, то хотя бы понять Пилата. Мог ли знать Пилат, что перед ним – Сын Божий? Если даже сегодня не прекращаются споры о Христе, то что знали тогда? Не следует ли учитывать, что, не согласись прокуратор на казнь Христа, его самого очернили бы в глазах Виттеля? Наконец, какова степень вины Пилата и есть ли она, когда всё, в том числе его поступок и участь Спасителя, в руках Господа и, следовательно, предопределено свыше? «Ради чего...ты вообще так сильно желаешь, чтобы я признался в деянии, которое вы мне приписываете? – спрашивает судей Пилат. – Ведь если бы я это действительно совершил, то это было бы и преступлением, которое Бог совершил в отношении *меня*, потому что оно, это преступление, было предопределено, и я не мог его избежать, и это преступление еще тяжелей, чем то, которое якобы я совершил по отношению к *нему*...» [3, 98–99]. «Не клевети на Бога, Понтий Пилат! Не распинай его вторично!» – слышит он в ответ на свою попытку оправдаться.

Приведенный выше монолог Пилата – одна из смысловых кульминаций новеллы, ибо побуждает читателя искать ответы на вопросы, касающиеся уже отнюдь не только веры в Бога, но и основ человеческого бытия вообще: так что же или кто правит человеком – некая чужая сила, нечто трансцендентное, либо его собственная воля, его собственный нравственный выбор, пусть и в рамках положенного Господом? Если чужая, то несет ли сам человек ответственность за свои большие и малые деяния, за благородные и подлые поступки? А если своя, то насколько она *своя*? Где заканчивается воля Бога и начинается грех человека? Читатель, втянутый в обмен суждениями, должен сопоставлять, сравнивать, соглашаться или возражать, реконструируя и даже в известном смысле ремифологизируя самую трагическую новозаветную историю, не полагаясь на прихотливо-субъективный результат чужих комбинаторских способностей.

Готовых ответов новелла не дает; можно лишь, в повторение вышесказанного, констатировать, что А. Лернет-Холения делает акцент на необходимости экзистенциального выбора для каждого конкретного человека, ибо, как говорится в одном из стихотворных включений в произведение, «нет ничего неизвестней, чем человек» [3, 105].

При всем различии художественных интерпретаций образа Пилата, принадлежащих белорусскому и австрийскому писателям, важно главное: оба они экстраполировали новозаветную историю на современную им действительность, но А. Лернет-Холения сделал это по преимуществу суггестивно, В. Иванов-Смоленский же – с большей степенью очевидности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич, Р. В. Лео Перуц / Р. В. Гуревич // История австрийской литературы: в 2 т. Т. 1: Конец XIX – середина XX века / отв. ред. В. Д. Седельник. – Москва, 2009.

2. *Иванов-Смоленский, В.* Последнее искушение дьявола, или Маргарита и Мастер / В. Иванов-Смоленский. – Минск, 2007.

3. *Лернет-Холениа, А.* Пилат: Роман / пер. В. Летучего / А. Лернет-Холениа. – Москва, 2001.

4. *Шаховской, Иоанн.* Метафизический реализм: Предисловие к первому русскому изданию романа «Мастер и Маргарита» в Париже, 1967 / О. Иоанн Шаховской // Другие берега: Дни Турбиных: Альманах. – 2007. № 22.

5. *Тодоров, Ц.* Введение в фантастическую литературу / Ц. Тодоров. – Москва, 1997.